

Мартин Лихтмесц

АМЕРИКАНСКИЙ КОШМАР – ОСНОВЫ

Мой приятель Якоб Аугштайн призвал немцев к тому, чтобы они сделали свою страну «лучшей Америкой».

Точно к выходу моей новой небольшой книжки под названием «Расизм – американский кошмар» в серии «Karlaken» этот красный миллионер быстрым пером набросал свою утопию: То, с чем не справились Соединенные Штаты, а именно не исполнили обещания «плавильного котла», должно теперь стать «немецкой мечтой»:

«Оставьте, земли древние, хвалу веков себе!»
Взывает молча. «Дайте мне усталый ваш народ,
Всех жаждущих вздохнуть свободно, брошенных в нужде,
Из тесных берегов гонимых, бедных и сирот.
Так шлите их, бездомных и измотанных, ко мне,
Я поднимаю факел мой у золотых ворот!»
Эти стихи написаны на цоколе Статуи Свободы.

Сегодня это звучит как насмешка: США деградировали, превратившись в олигархию. Бедняки в своем ослеплении выбирают миллиардеров. Разделяющее, расизм, социальный апартеид, перевешивает общее. Американская мечта ушла в прошлое. Германия могла бы перенять эту мечту и сделать из нее лучшую реальность. Раскрыть объятия для людей, которые ищут лучшей жизни. Стать маяком свободы. Ярким светом во тьме. И основать на этом новую гордость.

Чтобы осуществить эту «мечту» страны иммиграции Германии, Аугштайн даже готов пожертвовать классическим стремлением левых, а именно социальным государством:

Но также можно повернуть этот аргумент в другую сторону и признать правоту правых: Так как массовая иммиграция не уживается с прежним социальным государством, мы делаем выбор в пользу иммиграции и для другого социального государства.

Как именно должно выглядеть это «другое» социальное государство, остается туманным. В качестве горючего для этой великолепной идеи (которая отнюдь

не является такой уж новой) он предлагает смесь из гиперморального вымогательства (Германия должна взять на себя ответственность за проблемы третьего мира) и мультикультурной утопии:

«Нравственно это можно так обосновать: если цена за наше социальное государство – это погибшие в Средиземном море, то оно этого не стоит. Если цена – это порабощенные в ливийских лагерях, то цена слишком высока. Но то, что основывается на морали, как известно, не имеет большого значения в политике. Одной только морали недостаточно.

Лучшая причина – это другая идея Германии: Новый «плавильный котел», в котором люди из Европы, Ближнего Востока и Африки вместе создают новую нацию.

Это не означает ничего другого, кроме лишь того, что Аугштайн хотел бы позволить еще большему количеству людей из арабско-мусульманского мира и Черной Африки иммигрировать в Европу, чтобы устранить европейские нации и создать «новые» нации, которые, очевидно, не имеют никакого другого содержания и никакой другой идентичности, кроме как сделать эту иммиграцию саму по себе своей исторической целью.

Эта статья украшена пестрым коллажем «карнавала культур», что должно внушать, что в Германии тогда постоянно будет существовать бесконечное «многообразие» и проходить фольклорная вечеринка всех народов, полностью во вкусе космополитичной левацкой тусовки.

Аугштайн, к сожалению, не изолированный чужак, который одинок со своими идеями. Как удачно сформулировал Франк Бёкельман: «Тот, кто сегодня называет себя 'левым', лишь сообщает этим, что он еще более настойчиво требует того же, чего уже требуют все остальные». Сегодня представление о том, что из европейских наций посредством массовой иммиграции из Передней Азии, Северной Африки и Черной Африки якобы можно создать всемирно-глобалистские котлы, которые по какой-либо причине должны еще сохранять свой характер как, например, «Франция» или «Германия», является доктриной господствующих элит (я рекомендую мою статью о программной речи Франса Тиммермана).

И им требуются интеллектуалы, чтобы пропагандировать эту доктрину. Яша Мунк четко сформулировал эту печально известную идею следующими словами:

«что мы решаемся здесь на исторически уникальный эксперимент – а именно превратить моноэтническую и монокультурную демократию в мультиэтническую».

Или также Ульрике Геро и Роберт Менассе, желающие сделать «желание всеобщего мира», который они хотят осуществить путем чего-то вроде колониализма поселений на европейской земле. «Гражданские права для всех», и действительно для ВСЕХ стало их девизом:

«Как это было бы, если бы беженцам в Европе выделили землю для застройки, чтобы они поселились по соседству с европейскими городами, но на таком расстоянии, которое сохранило бы их иную идентичность. Тем самым можно было бы создать пространство возможности в реально существующих и находящихся рядом друг с другом проектах и моделях жизни. Таким образом, Новый Дамаск и Новое Алеппо, Новая Мадаия возникают посреди Европы. Или также Новый Диярбакыр или Новый Эрбиль и Новый Дахук для курдских беженцев. Вероятно, также Новый Кандагар или Новый Кундуз для афганских беженцев или Новый Энугу или Новый Ондо для нигерийских беженцев. Европа достаточно велика (и скоро станет пустой), чтобы построить дюжину или даже больше городов для новоприбывших. Мы не подвергаем себя стрессу из-за интеграции».

При этом Геро и Менассе радикально отвергают какую-либо основную, «стержневую культуру», т.е. требования «интеграции» или «ассимиляции»:

«Мы отвергаем интеграцию. Мы уважаем инаковость – и оставляем в покое новоприбывших в их отличном от нас виде».

Также здесь отсутствует какая-либо реалистичная идея, на которой все же тогда должно основываться «общее» этого общества, этой «новой нации», характер которой состоит как раз в том, что она не хочет быть ни одной нацией. Геро говорит о «республике Европа», под которой она подразумевает, однако, скорее что-то вроде пост-национально-государственного Советского Союза, в то время как бельгийский историк античности Давид Энгельс видит, как начинает проявляться постдемократическая и разрываемая подобными гражданской войне напряжениями «империя».

Если теперь Аугштайн закликает как «плавильный котел», так и его провал, то требуется анализ этого провала (который констатирует, впрочем, также Тувия Тененбом в своей книге «Только среди американцев»), чтобы указать на то, что мультикультурная мечта также тогда не может стать реальностью, если о ней мечтают и пытаются воплотить в жизнь несколько пестрых светлых немцев под лозунгом «Мы с этим справимся!».

Хотя мультикультурализация и «многообразие» были в западном мире возвышены до политической программы, даже до светской религии, вы тщетно будете искать реалистичную или пусть даже только цельную программу «существования», на которой могло бы основываться такой «e pluribus unum» («из многих единое»). Как указывают примеры Аугштайна, Геро и Менассе, приходится прибегать к мнимым моральным императивам и настоящему риторическому кичу. Частично само стремление к «мультиэтнической, мультикультурной демократии» и должно быть основой такого единства. Но как это единство будет гарантировано, если эта конечная цель будет достигнута?

Решающим является то, что эту цель логично можно достичь только путем демографического и культурного самосокращения или даже полной капитуляции европейских народов и наций. Также здесь действует то же правило, что и в США: «Diversity = Less white people» (Многообразие = меньше белых людей). И если теперь Геро и Менассе пишут, что «Европа достаточно велика (и скоро станет пустой), чтобы построить дюжину или даже больше городов для новоприбывших», тогда становится отчетливо видно, что также они рассчитывают на уменьшение рождаемости и «миграцию для сохранения численности населения», чтобы реализовать свое намерение.

Между тем Европа (или тем более Германия) по сравнению с Африкой – это крохотный континент, который, кроме того, плотно заселен. Здесь самые простые предпосылки уже не соответствуют действительности.

В моей новой книге я пишу:

««Американизация» Европы превратила также старые нации континента-метрополии в псевдо-универсальные, якобы «всеобщие» государства, «нации согласия» и «страны иммиграции» с правом поселения для каждого. Внезапно каждый человек в этом мире может быть не только американцем, но в последнее время также немцем, французом, англичанином или шведом – причем эти понятия утрачивают свой смысл и свою сущность. Каждая западная нация должна подражать в этом Америке и стать «универсальной», «всеобщей нацией»».

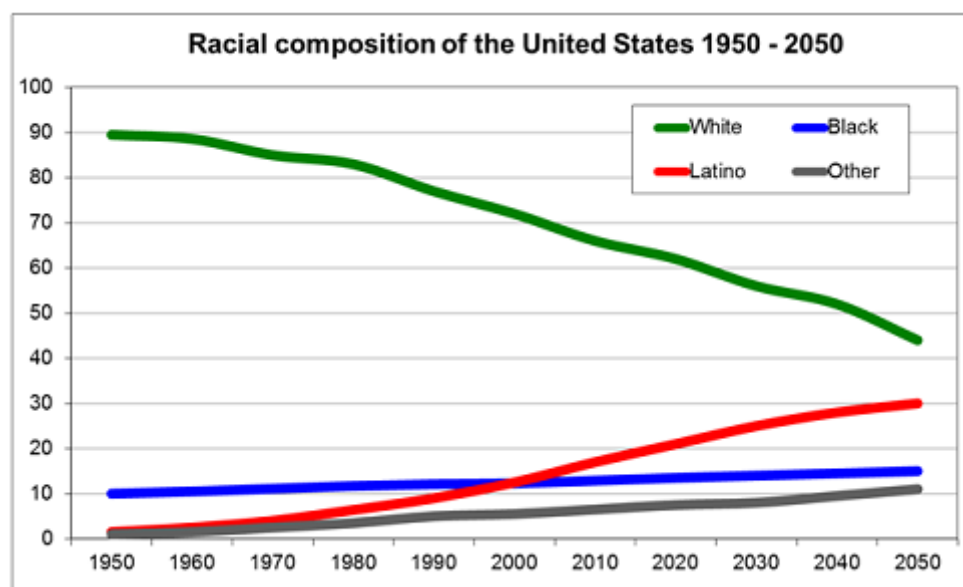
Чтобы понять, что происходит в США, и что предстоит также Западной Европе, чем больше она перенимает американскую модель, необходимым чтением является книга Сэмюэля Хантингтона [«Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности»](#). Хотя Соединенные Штаты через свою Декларацию независимости (1776) и Конституцию (1787) основываются идеально на универсальной основе, которая происходит из Просвещения, они на протяжении большей части своей истории не были ни «страной иммиграции», ни «плавильным котлом». Как и у всех наций, у США тоже была своя этнокультурная основа, которую Хантингтон называет «англо-протестантской». Она образовывала основную, «стержневую культуру», ядро, вокруг которого группировались многочисленные группы иммигрантов, примерно с 1840-х годов.

Она сохраняла свое действие вплоть до восьмидесятых годов, тогда как в девяностые годы все больше побеждали «мультикультуралистские» модели, параллельно к демографическому спаду белого населения. В это время также определенно появляется элитный проект мультиэтнической, мультирасовой, мультикультурной «универсальной нации», который был сформулирован Биллом Клинтоном таким образом: «Мы хотим быть мультирасовым, мультиэтническим обществом», говорил президент США Билл Клинтон в 1997 году по поводу визита афроамериканских журналистов в Белый дом. Это не значило ничего иного, кроме как «третьей великой революции Америки». Благодаря ей мы смогли бы доказать, «что мы действительно можем жить без преобладающей европейской культуры».

Эта «преобладающая европейская культура» идентична «англо-протестантской» стержневой культуре Хантингтона. Она «имплицитно белая», так как происходит из Европы. Итак, когда левые культурные марксисты говорят о «whiteness», «white privilege» или «white supremacy», то они имеют в виду не что иное, как то, что они хотят атаковать не только «расистскую структуру власти», но и ее носителей, белых людей вообще, которых всех подозревают в «расизме», в том числе и потому, что они хотят сохранить свою классическую американскую стержневую культуру и/или не хотят превратиться в этническое

меньшинство (что начнется примерно с 2045 года). Жить «без преобладающе европейской культуры», не означает ничего другого, как жить без белого большинства европейского происхождения, и все же еще оставаться Америкой.

Из этого проекта следует антибелый расизм и «саморасизм», который порой принимает также форму классовой борьбы, что объясняет, почему столь многие белые, и отнюдь не только «этномазохисты» принимают в этом участие. Я подробно занимался этой темой в моей второй статье в сборнике «Национальный мазохизм»; книга «Расизм» серии «Karlsen» – и это, так сказать, продолжение и дополнение к той книге.

Итак, Клинтон восхвалял преобразование США в «мультирасовое, мультиэтническое общество» как расширенную американскую революцию, как следующий логичный шаг, чтобы более основательно и окончательно реализовать эгалитарные и универсальные идеалы Конституции и Декларации независимости. Здесь кроется очевидное противоречие, так как «мультирасовое, мультиэтническое общество» неизбежно должно быть также мультикультурным обществом, а универсализм и мультикультурализм – это, в принципе, противоположности.

Левый истеблишментский комик Джон Стюарт, бывший ведущий сатирической передачи «The Daily Show», точно сформулировал эту утопию в интервью радиостанции CBS:

«Что действительно делает нас великими, это то, что Америка – это аномалия в мире. Есть много людей – и я думаю, что кандидатура Трампа подтвердила эту мысль, которые полагают, что мультиэтническая демократия, мультикультурная демократия невозможна. Но как раз именно таковой демократией и является Америка, через свое основание и свою конституцию. Америка не естественна. Племенное мышление естественно. Мы боремся против тысячелетий человеческого поведения и человеческой истории, чтобы создать что-то, чего еще никто не делал. И это и есть то, что исключительно в Америке. Это не просто, это невероятная вещь».

Тем не менее, это неисторический способ рассмотрения. Многие думают, что США всегда были «мультирасовым, мультиэтническим обществом», тогда как Билл Клинтон в конце девяностых годов правильно говорил о том, что они только должны стать таким обществом.

Немногие обладают знаниями о фактическом этнокультурном развитии США. Это развитие начинается с колоний английских поселенцев в Северной Америке, которые заложили фундамент этой нации. Едва ли будет преувеличением констатировать, что отцы-основатели США, которые считали ошибочным разделить свою свободу и идентичность со своими черными рабами и аборигенами (индейцами), были кем-то вроде «белых националистов», или, по меньшей мере, консервативных реалистов, которые пользовались языком Просвещения.

Первый закон 1790 года о предоставлении прав гражданства определенно ограничивал переселение в недавно основанное государство «free white persons of good character», «свободными белыми людьми с хорошим характером», т.е. без криминального прошлого. Это задало тон, который долго сохранял свое действие. Эпоха «массовой иммиграции» началась только в 1840-е годы, причем первая волна иммигрантов прибыла преимущественно из Северной Европы и Западной Европы. Переселение из Китая в 1882 году было остановлено на следующие 60 лет, причем объявленной целью приостановки иммиграции было то, что она могла угрожать этническому составу страны. Похожие законы последовали для других азиатских стран, как например, Японии (американцы японского происхождения, как известно, во время Второй мировой войны были интернированы в лагерях, так как американцы сомневались в лояльности американских японцев по отношению к США).

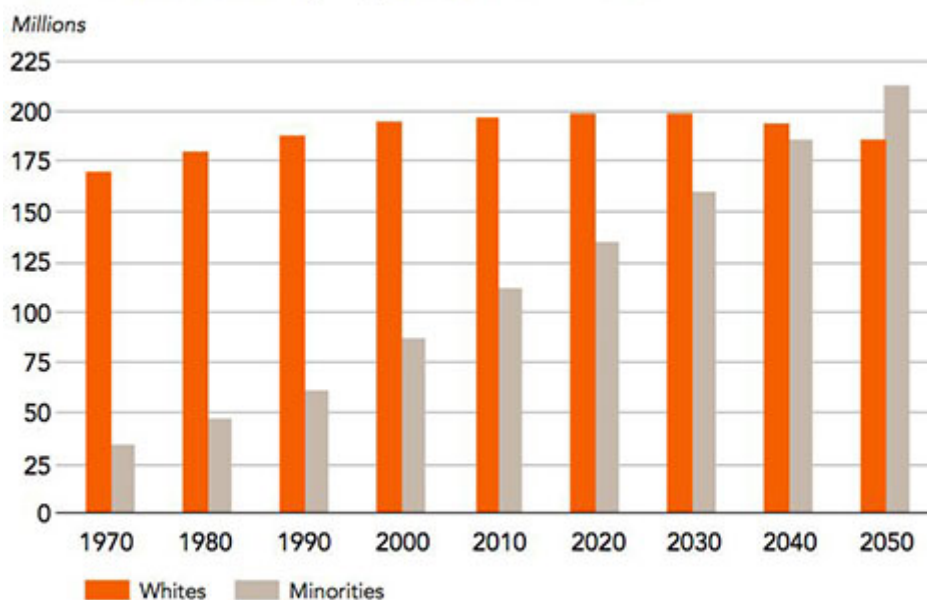
Между 1890 и 1920 годами последовала массивная волна переселенцев из Южной Европы и Восточной Европы, которая только в 1907 году достигла своего апогея в 1,3 миллиона человек. Эта вторая волна вызвала значительную социальную напряженность и побудила государство приостановить иммиграцию. В 1921 и 1924 годах были приняты законы, которые сильно сократили

иммиграцию и отдавали предпочтение западноевропейским и североевропейским иммигрантам. Это положение изменилось только в 1965 году, когда вступил в силу «Закон об иммиграции и натурализации» (т.е. о получении гражданства) или Закон Харта-Селлера («Hart-Celler-Act»), который отменил прежние ограничения и сделал возможным воссоединение семей.

Сенатор Тед Кеннеди уверял озабоченных граждан, что не надо бояться, что новый иммиграционный закон ни в коем случае не затопит страну «иммигрантами из самых густонаселенных и бедных наций Африки и Азии». Америка, мол, сохранит свою «этническую смесь», в то время как «этнические образцы иммиграции благодаря предложенным мероприятиям не изменятся так резко, как некоторые критики, кажется, полагают».

В действительности произошло именно это; с шестидесятых годов белое население США непрерывно сокращалось. В начале девяностых годов началась следующая массивная волна иммиграции, которая не ослабела до сегодняшнего дня. В том же самом десятилетии быстро и сильно распространился мультикультурализм, а вместе с ним и [«политическая корректность»](#). За десятилетие с 2001 по 2010 год в США иммигрировали – легально или нелегально – больше людей, чем когда-либо в американской истории за сравнимый промежуток времени, однако вряд ли больше из Европы. Помимо изменения этнического характера населения его численность выросла с 1965 года примерно на 130 миллионов человек.

U.S. White and Minority Populations, 1970–2050

Source: U.S. censuses and Census Bureau projections, various years.

Язвительный консервативный автор Энн Коултер (американская Эллиен Коули), женщина ирландско-немецкого происхождения, писала в своей книге «Adiós America!»:

«Еще в 1990 году можно было проследить корни половины американского населения к черным и белым жителям 1790 года. Почти все белое население Америки между 1600 и 1970 годами происходило из одного географического пространства, которое по площади примерно вдвое больше Техаса. Все черное население происходило из одной части Западной Африки, которая по площади приблизительно равна Флориде. До того, как Тедди Кеннеди нанес свой удар, Америка никогда не была западноевропейской белой и западноафриканской черной меньше, чем на 99%».

В действительности Соединенные Штаты с момента своего основания всегда беспокоились о том, чтобы регулировать и направлять переселение в «God's Own Country», позволяли себе перерывы для того, что передохнуть и «переварить» новых иммигрантов, не в последнюю очередь ради сохранения специфической национальной идентичности. Хантингтон в книге «Кто мы?» говорит, как уже было сказано, об «англо-протестантской стержневой, основной культуре», в которой принимали участие «большинство жителей независимо от своей соответствующей субкультуры». Культура поколения основателей Америки «почти четыре столетия» составляла «центральный, длительный компонент американской идентичности». Если бы Америка была заселена не британскими протестантами, а французскими, испанскими или португальскими католиками, результатом была бы не Америка, «а Квебек, Мексика или Бразилия».

К этому добавляются специфический этос и пафос, который шведский социолог Гуннар Мирдаль назвал «американским кредо»: вера в «жизнь, свободу и стремление к счастью», в «индивидуализм, достижения и равенство возможностей», в прямую ответственность и прагматизм, в «народ», дух конкуренции и Laissez-faire – все это вещи, корни которых, согласно Хантингтону, кроются «в религиозных убеждениях диссидентов-протестантов», которые также играют важную роль в возникновении англосаксонского либерализма и либеральной демократии вообще. Американское кредо – это «протестантство без Бога», светская религия «нации с душой церкви», как это сформулировал Алексис де Токвиль. Не без причины американцы часто казались старым европейцам вульгарной смесью из проповедников и бизнесменов.

Естественно, также всегда существовал и англосаксонский шовинизм (вспомните о конфликтах между «нативистами» и католическими ирландцами в фильме Скорсезе «Банды Нью-Йорка»), напряженность, предубеждения и

культурная борьба между белыми этносами, и с конца девятнадцатого столетия возникал вопрос, как можно было бы ассимилировать текущие потоком массы людей, чтобы сделать из них хороших и настоящих американцев.

Хантингтон называет три различные концепции, которые определяют эти споры уже примерно одно столетие.

Разработанная уже в 1780-е годы концепция «плавильного котла» стала известна, прежде всего, благодаря пьесе «The Melting Pot» (1907) Израэля Зангвилла. Первоначально эта концепция предусматривала слияние только людей из белых, европейских наций в американскую «новую расу» (слова франко-американского писателя Гектора Сент-Джона де Кревкёра). Именно это частично удалось. Так австрийский геополитик барон Йордис фон Лохаузен определял США в политическом отношении как «плавильный котел белых народов» (как это выглядит, показывает, например, [пропагандистский фильм Йозефа фон Штернберга времен Второй мировой войны](#)).

Немцы, например, которые были в численном отношении очень большой группой иммигрантов, прямо-таки бесследно растворились в американском обществе, что тоже представляет собой «Running gag» (постоянно повторяющейся шутки) в книге Тевенбома. В противоположность этому, например, американские негры, потомки западноафриканских рабов, продолжают и поныне образовывать группу с сильной собственной идентичностью, которая экономически, по культуре, по обычаям и не в последнюю очередь физически значительно отличается от белой Америки и сегодня лелеет скорее растущую, нежели ослабевающую историческую неприязнь по отношению к обществу белого большинства.

Зангвилл, который как ярый сионист скорее вовсе не хотел расплавления своего собственного народа в плавильном котле, распространил представление де Кревкёра на все расы, народы, культуры и религии мира: «Кельты и романцы, славяне и тевтонцы, греки и сирийцы, черные и желтые, евреи и неевреи, Восток и Запад, Север и Юг, пальма и сосна, Северный полюс и экватор, полумесяц и крест» должны были с помощью «очистительного огня» и алхимии Нового света слиться в «республику человека и царство Бога». Каким слабым казался бы уже блеск «Рима и Иерусалима» в сравнении с «блеском Америки, куда приезжают все расы и нации, чтобы работать и смотреть вперед»?

Это также полностью соответствовало духу стихотворения Эммы Лазарус, которое было всего на немного лет раньше (1903) вычеканено в бронзе на пьедестале Статуи Свободы в Нью-Йорке:

«Дайте мне усталый ваш народ,
Всех жаждущих вздохнуть свободно, брошенных в нужде,
Из тесных берегов гонимых, бедных и сирот.
Так шлите их, бездомных и измотанных, ко мне,
Я поднимаю факел мой у золотых ворот!»

В этом можно легко увидеть ту моральную тубу, в которую дуют также и сегодня, чтобы оправдать массовую иммиграцию – как это делает, например, Аугштайн, который тоже цитирует это стихотворение.

Вторая концепция называется «томатный суп» или «англо-конформизм». «Англо-протестантский томатный суп» обогащается «иммигрировавшими» продуктами-ингредиентами как сельдерей, пряности, петрушка, гренки и т.д., но остается, по сути, тем же самым томатным супом. Речь идет о программе культурной ассимиляции, которая была нормой в течение десятилетий.

Этой концепции родившийся в Силезии еврейско-американский философ Хорэйс (Гораций) Каллен противопоставил другую кулинарную метафору: Америка – это скорее салатница, которая характеризуется «культурным плюрализмом», под чем Каллен подразумевал фактически «этнический плюрализм». Ибо, согласно Каллену, люди, т.е. «продукты-ингредиенты» салата, могут сменить свою культуру, но не свою этническую принадлежность. «Биология – это судьба, идентичности определяются происхождением», и они представляют собой долговечные групповые отличия» (здесь цитируется по Хантингтону). Решением должна была бы стать американская «транснациональность», «переплетение, вместе с другими странами, многих нитей всех размеров и цветов».

Мы без большого труда узнаем во всех этих трех концепциях мотивы сегодняшней мультикультуралистской идеологии. Что лучше? «Интеграция» путем смешивания? С помощью ассимиляции и «стержневой культуры» (в сильно разбавленной форме это означает придерживаться основных ценностей и понятий)? Или путем одновременного существования в «многообразии и разнообразии»? Эти частично противоречивые исходные положения в реальности свободно переходят друг в друга, но можно сказать, что исходное положение Каллена сегодня преобладает.

Теперь Хантингтон видит в переходе от концепции «томатного супа» к концепции «салата», т.е. от (англо-протестантской) стержневой культуры к (мультиэтнической) «мультикультуре» одну из главных причин американского кризиса идентичности. Мультикультурализм и культ многообразия («Diversity») увеличивают интерес «к расе, этнической принадлежности, полу и другим формам субнациональной идентичности», подрывая тем самым идею основной «стержневой культуры». Вследствие этого исчезают также факторы,

которые «раньше содействовали ассимиляции иммигрантов, в сочетании с возрастающей тенденцией иммигрантов иметь двойную идентичность, лояльность и гражданство». Другими словами, миски для салата больше нет.

Основной тезис моей книжки также примыкает к этому: Мультиэтническое, мультирасовое, мультикультурное общество, которое понимается, кроме того, как непрерывный процесс и «эксперимент» с неизвестным исходом, который не имеет точного представления о конечном результате (смешивание, томатный суп, салатница?), и опирающееся на несостоятельную догму равенства, которая должна вытеснять, отрицать, объяснять реальные различия, неизбежно должно стать «расистским» обществом, которое прямо-таки невротически одержимо расовыми, этническими, культурными различиями.

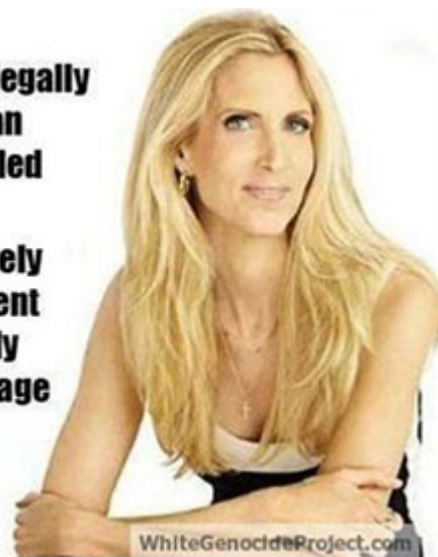
Одновременно эта расистская агрессия будет все больше направлена на население большинства и коренное население, которое, в конце концов, должно постоянно уменьшаться, лишаться своего ядра, ограничиваться и оттесняться, чтобы реализовать мультикультурную, мультиэтническую утопию. И это население большинства и коренное население в Европе, как и в США, является «белым».

Агрессия «небелых» усиливается по мере того, чем более слабым, более уступчивым, более полным комплексов вины и более «толерантным» становится общество белого большинства. Другими словами, меньшинства вряд ли станут более дружелюбными или более уступчивыми, чем больше они растут в числовом отношении и чем больше они получают долю участия в общественной жизни, культурное преобладание и политическую власть – наоборот, требования и претензии возрастают пропорционально вместе с этим, так же, как и приносящие немалую выгоду стенания о мнимой «дискриминации».

"If this sort of drastic change were legally imposed on any group other than white Americans, it would be called GENOCIDE Yet whites are called racists merely for mentioning the fact that current immigration law is intentionally designed to reduce their percentage in the population"

ANN COULTER

From column "Bush's America: Roach Motel," 6/6/07

WhiteGenocideProject.com

Поэтому нужно во всех подробностях изучить процессы в США; они – окно в наше будущее, которое уже началось.

Перевод с немецкого, 2018 г.

Источник: <https://sezession.de/59186/ein-amerikanischer-alptraum-1-grundlagen>

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).